

Перспектива мгновенно изменилась. Лин Ду обнаружил, что стоит на вершине исполинского алтаря. Внизу, насколько хватало глаз, простиралось живое море — бесчисленная толпа людей. Они распластались по земле в глубоком поклоне, монотонно скандируя: «Бог жизни, свет человечества! Защити свой народ, даруй нам покой!»

В его ушах нескончаемым эхом гремели эти слова, повторяясь по кругу. Он обернулся, но и позади высилась такая же плотная стена коленопреклоненных фигур. Все они, как один, тянули к нему руки и возносили ту же молитву.

Он глянул вниз. Помост вздымался над землей на добрый десяток метров, и ни единой ступени не было. Дальше, за живым ковром из тел, расстился плотный серый туман, скрывавший остальной мир. Он оказался узником этой сияющей высоты, обреченным вечно принимать чужое поклонение.

Он не знал, что испытывали другие, погружаясь в эту иллюзию, но даже его непоколебимая воля дала трещину. Мощный ментальный резонанс вызвал внутри глухую растерянность и смятение.

Однако вслед за этим накатило иное чувство — благоговейный трепет перед великой миссией. Ему вдруг показалось, что он и впрямь божество, рожденное свыше ради спасения этого несчастного мира.

Эти нахлынувшие эмоции соткали вокруг него подобие теплого кокона. Они убаюкивали сознание, лишая воли к сопротивлению и какого-либо желания двигаться.

Спустя некоторое время видение растаяло, уступив место новому. Теперь он стоял под сводами величественного храма. Перед ним соткалась туманная фигура, которая произнесла благоговейным шепотом:

— Божественный дух снизошел на вас. Вы — наш указующий перст.

И снова мир вокруг переменился. На этот раз его окружили несколько расплывчатых теней. Их голоса дрожали от паники и спешки:

— Демоны явились! Они узнали о вашем существовании. Вам нужно следовать божественному зову и укрыться в священной обители. Только там вы спасетесь от преследователей.

Опустив взгляд, он увидел на себе белоснежные жреческие одежды. Сам он был бос, его кожа дышала чистотой, а из груди струилось мягкое сияние. Внезапно из наползающего мрака потянулись бесчисленные когтистые лапы. Чудовищные тени рванулись к нему, и Лин Ду помчался вперед, ведомый спасительным светом вдали. В этом безумном беге перед глазами

замелькали ориентиры: знакомые очертания городских высоток, пригородное шоссе, дорожные указатели. А затем впереди выросли безмолвные горы, зашумел скрытый в лесу водопад, и раскинулось тихое озеро, посреди которого в лунном свете дремал уединенный остров...

Он ясно осознал: это лишь сон, сгенерированный системой психологического внушения. Он заставлял свой разум работать на пределе сил, цепляясь за каждую деталь, запоминая каждый поворот иллюзорного пути. И даже когда основной сценарий подошел к концу, он продолжал бродить по берегу того озера. В его темных водах отражалось багровое небо. На небосклоне возшла кровавая луна, из недр которой хлынули жуткие тени.

Но страшнее демонов было то, что колыхалось на самой водной глади. Там, в зыбком зеркале озера, оживало его собственное прошлое.

Вот они с родителями и братом — еще живые, счастливые. В те благословенные дни он не задумывался о жестокости внешнего мира, всецело отдаваясь любимой науке.

Но картинка сменилась. Огонь. Ревущее пламя, пожирающее родных, превращающее их в пепел.

Затем пошли чужие страдания. Трагедии других Омег, терпевших издевательства в стенах академии. Он увидел падение — тело, летящее с крыши общежития. Администрация потом равнодушно объявила, что несчастный умер от болезни. Бесчисленные судьбы, раздавленные горем, и люди, которые даже не понимали, за что им это, списывая свои несчастья на собственное несовершенство...

Когда чередой видений иссякла, в его сознании мертвой хваткой укоренилось жуткое знание.

«Близится конец света. Мир наводнили демоны. Правительство прогнило, а власть имущие погрязли в роскоши и привилегиях, видя в простых людях лишь бесправную пыль под ногами. Жизнь — это бесконечная боль...»

Странно было другое: сам Лин Ду в этой картине мира больше не принадлежал к числу страдающих. Иллюзия насильно выдернула его из толпы жертв, навязав ему бесстрастный, холодный взор божества.

Именно это резкое, болезненное противоречие и заставило его мгновенно прийти в себя.

Когда Лин Ду стянул с головы психометрический шлем, Цзинь Суйчуань и Цао Цзяньань все еще завороченно смотрели на трехмерный экран. На их лицах застыло выражение глубокого потрясения.

Отложив шлем в сторону, он прижал ладони к вискам. Голова раскалывалась от тупой боли, а

внутри крепло мерзкое чувство дезориентации, стирающее грань между зыбким кошмаром и явью.

Он перевел взгляд на соседний монитор, где транслировалась финальная часть его ментальной проекции. Там, над темной озерной гладью, его призрачное воплощение парило в вышине, взирая на мир с высоты птичьего полета. Озеро под ним превратилось в гигантское зеркало, в котором отражался Юньчэн. Обычная панорама столицы, какую часто показывают в новостях.

Вот только детали этой панорамы ужасали: нищие на обочинах, незащищенная жертва, которую затягивают в темную подворотню, избиение ребенка в трущобах и тут же, по соседству — сияющие залы роскошного банкета, где рекой льется дорогое вино.

И подле каждого человека скользили черные силуэты чудовищ, скалясь в торжествующей ухмылке.

Цзинь Суйчуань первым стряхнул с себя оцепенение. Некоторое время он молчал, подбирая слова, и лишь через несколько секунд тихо спросил:

— Сяо Лин, ты как? Цел?

— Голова кружится, — он потер ноющие виски, борясь с подступившей тошнотой. — И тошнит. Перед глазами до сих пор стоят эти картины.

Цзинь Суйчуань поспешно налил стакан теплой воды и протянул ему. Юноша молча принял его и сделал несколько медленных глотков.

Тем временем Цао Цзяньян уже успел сделать снимки экрана, зафиксировав ключевые ориентиры из иллюзии Лин Ду.

— Сяо Лин, это погружение бесследно не проходит, — покачал головой Цао. — Тебе нужно отдохнуть. Иди поспи.

— Да, — подхватил Цзинь Суйчуань. — Ложись в моей комнате отдыха. Там нормальная кровать, всяко удобнее жесткой кушетки в дежурке.

Из-за сильного головокружения он не стал упрямиться и согласно кивнул. Но прежде чем уйти, он счел нужным предупредить:

— Эта вредоносная программа встроена в детекторы психического состояния Академии Камписиса. Она замаскирована под обычный тест. Закладываемое внушение бьет по самым уязвимым местам Омег, заставляя их верить, будто эти мысли исходят из глубины их собственных душ, будто это глас свыше. И еще: те места, которые я видел... Они реальны. Особенно озеро. Почти наверняка все пропавшие Омеги направились именно туда.

Цао Цзяньяннь работал с поразительной эффективностью. Пока Лин Ду говорил, профайлер уже запустил алгоритм сравнения полученных кадров с базой спутниковых снимков. На одном из экранов начали всплывать совпадения.

Однако ментальные образы редко в точности соответствуют сухой реальности, да и аппаратная визуализация вносит свои искажения. И если городские ориентиры система щелкала как орешки, то загадочное озеро упорно отказывалось поддаваться идентификации.

— Ничего, этого вполне достаточно, — успокоил его Цзинь Суйчуань. — Иди отдыхай, Сяо Лин. Мы пока соберем группу. Лю Юйчжоу со своими ребятами как раз вернулся из горного рейда, у них есть зацепки. Сопоставим их координаты с твоим озером, глядишь, и сузим круг поисков.

— Хорошо, — тихо отозвался юноша.

Помедлив у двери, он обернулся:

— И последнее. Картины моей личной жизни, которые выудила программа... В случае с другими жертвами система берет их собственные воспоминания. Мои личные архивы не имеют отношения к делу и нарушают мою конфиденциальность. Я бы хотел, чтобы вы их уничтожили.

— Разумеется, — твердо ответил Цзинь Суйчуань. — Сотрем сию же секунду.

Цао Цзяньяннь уже вовсю щелкал клавишами, удаляя личные фрагменты памяти.

— Спасибо, — кивнул юноша.

В душе Цзинь Суйчуаня шевельнулось чувство неловкости. Ведь они с Цао успели мельком увидеть обрывки чужой памяти — его погибшую семью и юношу, как две капли воды похожего на «Лин Хуаня». Очевидно, это был его младший брат-близнец. Кроме того, там промелькнули сцены из жизни Омег. Суйчуань счел, что все эти образы отпечатались в сознании «Лин Хуаня» со слов его младшего брата Лин Ду, и пока не заподозрил ничего иного.

— Сяо Лин, все, что касается твоей личной жизни, останется строго между нами, — добавил Цзинь Суйчуань. — Даю слово.

— Не сомневайся, — подтвердил Цао.

Кабинет начальника отдела занимал около тридцати квадратных метров. Обстановка была практичной: шкафы с личными делами, рабочий стол с мощным терминалом, пара диванов для совещаний и неприметная дверь в глубине, ведущая в личные покои.

Цзинь Суйчуань аккуратно приоткрыл эту дверь, пропуская гостя вперед. Истощенный ментальной перегрузкой он едва держался на ногах. Он тусклым взглядом окинул небольшую комнату отдыха: здесь было все необходимое — шкаф для одежды, душевая кабина и застеленная постель.

Но в глаза бросилось другое. Точнее, ударило по чувствам: вся комната была буквально пропитана феромонами хозяина. Этот запах обволакивал, утягивая за собой в прохладную, успокаивающую глубину бескрайнего океана.

У него не осталось сил анализировать свои ощущения. Накатившая волна дурноты затуманила разум, и единственным его желанием было поползти до подушки.

Едва коснувшись матраса, он провалился в тяжелый, беспмятный сон, так и не успев натянуть на себя одеяло.

Цзинь Суйчуань осторожно укрыл юношу до плеч и тихо выскользнул из комнаты, заперев за собой дверь.

На душе у командира было паршиво. До того как юноша пропустил через себя эту дьявольскую программу, он и представить не мог масштабы катастрофы.

Под такое внушение могли попасть не только наивные, запертые в четырех стенах Омеги. Любой нормальный человек, сохранивший хоть каплю сострадания, дрогнул бы под натиском этих образов.

Но главный вопрос оставался открытым: зачем? Кому понадобилось зомбировать несчастных подростков и куда их уводят?

Сон не принес ему мгновенного облегчения. Отголоски ментального вмешательства продолжали терзать его мозг. Кошмары крутились безумной каруселью, и, хотя он понимал, что спит, вырваться из липких объятий дремоты не получалось.

Слишком глубоко запали в душу увиденные сцены, слишком сильно срезонировали с его собственной затаенной болью.

Когда над багровым озером вновь взошла кровавая луна, усталость достигла предела. Ему отчаянно хотелось стереть эти видения, дать разуму долгожданный покой. И тогда он прямо во сне начал применять техники самовнушения. Поначалу барьеры поддавались со скрипом, но постепенно он заставил себя поверить, что он — исполинский кит, плывущий в бескрайней океанской бездне. Вода вокруг была кристально чистой, а сквозь толщу волн пробивались теплые, ласковые лучи солнца. Он медленно скользил во тьме, ловя кожей эти крупницы света.

Мягкий ритм укачал его, и кошмары наконец отступили, уступив место глубокому,

исцеляющему сну.

Зал совещаний Восьмого отдела Спецотдела

Большая часть оперативной группы уже собралась в кабинете. День выдался выматывающим, и даже выносливые Альфы выглядели изнуренными. Кто-то полулежал на стуле, кто-то спал прямо на столе, уткнувшись в локти. В воздухе пахло дешевым растворимым кофе. Ребята лениво жевали конфеты и щелкали орехи, пытаясь взбодриться. Единственным, кто сидел с безупречно прямой спиной, оставался мрачный Цзинь Суйчуань.

Суйчуань не стал требовать от подчиненных уставной строевой стойки. Он коротко хлопнул ладонью по столу, привлекая внимание:

— Ладно, начнем разбор полетов. Лю Юйчжоу, докладывай первым. Что у вас по горному сектору?

<http://bllate.org/book/20623/2173465>